

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

А. С. Александров*

УЧЕНИЕ О СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ПОРОГЕ «ЦИФРОВОГО МИРА»

Следственная модель расследования преступлений и система следственных действий морально и материально устарели в современных условиях. Киберпреступность как элемент цифрового мира диктует переход на новую правовую модель уголовно-процессуальной деятельности. Существующая система следственных действий может быть заменена на одно универсальное следственное действие – получение цифровой информации. Субъектом проведения этого действия может быть как компетентный государственный орган, так и любой человек, но также и робот. В целом функция предварительного расследования может быть технологизирована и деформализована, то есть лишена процессуальной, а тем более следственной оболочки. Только на этапе представления суду цифровая информация, полученная любым субъектом, любым способом, должна стать элементом юридической системы – обвинения или защиты и тем самым получить правовой статус. Обвинитель или защитник вправе сам выбрать форму и способ представления полученной информации, чтобы исключить разумные сомнения в ее аутентичности и полезности.

Ключевые слова: цифровая информация, следственные действия, доказательство, доказывание.

Человека должен судить только человек.

Чапек К. «Свидетель»

Мы будем создавать роботов наподобие людей, но, в конце концов, машины останутся машинами, а люди останутся людьми. Люди должны быть уверены, что у нас, у людей, есть вера, отношения, у нас есть ценности, которых нет у машин, и я не верю, что машины займут наше место.

Джек Ма, основатель Alibaba Group

Учение о следственных действиях – плод многолетних усилий отечественных процессуалистов и криминалистов. В основном оно создано советской школой. Важный вклад в это учение внес и профессор С.А. Шейфер. Его работы о следственных действиях, об уголовно-процессуальном доказывании периода действия УПК РСФСР и после принятия УПК РФ (в создании которого он принимал участие) стали своего рода переходным мостом между советской и постсоветской эпохами. В трудах С.А. Шейфера отразилась преемственность во

взглядах процессуалистов о том, как должно происходить «раскрытие и расследование» преступлений следственным путем.

Он хорошо сделал свое дело. Дай бог каждому из нас.

Нынешним эпигонам этого учения, рассуждающим о «невербальных следственных действиях» остается только шлифовать и полировать его. В принципе ничего нового они не сказали и не скажут, оставаясь вечно вчерашними. Жаль их, конечно. Как и всех, кто продолжает находиться в следственной парадигме.

Проблема в том, что указанное выше учение верно и будет верным до тех пор, пока наш уголовный процесс будет следственным по своему типу; если угодно – «смешанным», это сути не меняет. Однако следственная доктрина и основанное на ней законодательство стоят на пороге серьезных испытаний, которые, как мне представляется, они не выдержат.

Как стало известно в 2017 году (из официальных источников), мы стоим на пороге перехода к цифровой экономике. И это больше, чем просто

* © Александров А.С., 2017

Александров Александр Сергеевич (anrc@rambler.ru), кафедра уголовного процесса, Нижегородская академия МВД России, 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 26.

новый экономический уклад. Это новый мир, где социальные, экономические и прочие отношения между людьми будут выстраиваться по технологии блок-чейна; и даже, возможно, вне традиционных финансовых, фискальных, контрольно-надзорных институтов и юридических институтов. Это ставит под сомнение сохранение прежних методов поддержания законности и противодействия преступности (киберпреступности), основанных на централизованной власти государства [1]. Ставится под сомнение и нынешний уголовно-процессуальный строй.

Наступление новой реальности не прошло совсем уж не замеченным для научной общественности. Но отреагировала на него уголовно-процессуальная мысль предсказуемо – догматически. Следственные догмы управляют мышлением процессуалистов и криминалистов. Даже тогда, когда они руководствуются самыми лучшими побуждениями – сделать законодательство и правоприменение более адекватными практическим потребностям.

Предложения о создании электронного аналога «уголовного дела», о дублировании процессуальных действий и решений в электронном виде («личном кабинете» следователя, который станет частью закрытой информационной системы следственных органов) или предложение о том, чтобы включить в существующую следственную модель «источников доказательств» еще один вид – электронные доказательства – это все продолжение следственной идеологии. Это попытки сохранить архаику предварительного следствия через внедрение достижений научно-технического прогресса. В свое время то же самое пытались сделать советские экономисты для спасения советской плановой экономики. Или то, что уже сегодня предпринимают технократы и эффективные менеджеры – администраторы для модернизации системы государственного управления. На мой взгляд, все эти попытки продления жизни умирающего организма бесполезны, в лучшем случае они отсрочат наступление смерти.

Перенести следственную модель в цифровую плоскость – бесперспективная затея. Скорее всего, на практике следователям придется вести два уголовных дела: одно традиционное, а его электронный аналог дублировать в специально созданной электронно-информационной системе. Он будет поставлен даже в худшее положение, чем сейчас, когда задыхается в бумажном потоке: бюрократия заставит его забивать сканы процессуальных бумаг в своем «личном кабинете» – чтобы руководитель, прокурор могли в режиме онлайн ознакомиться с ними.

Может, лучше осознать то, что само «уголовное дело» – как сумма документов (бумажных преимущественно пока), полученных (созданных) следователем для судьи, чтобы тот на их основе принял решение по этому делу, – это есть атрибут следственного процесса, способ закрепления власти следователя над судьей и их вместе – над человеком. Уголовное дело – это система «произведений» следователя,

это по большей части производные доказательства, вторичные по своему происхождению. Следовательно и его уголовное дело опосредуют отношения судебной власти с реальностью.

Разумеется, власть следователя над судьей – «мягкая власть»; она проявляется в информационной зависимости судьи от следователя. Это известный всем процессуалистам феномен, о котором писал еще И.Я. Фойницкий (о власти документов над судьей, о документальном процессе). С тех пор мало что изменилось и не изменится, даже если следователи будут составлять «электронные документы» и поставлять суду «электронные уголовные дела», из которых судьи будут изготавливать обвинительные приговоры.

Поэтому «уголовное дело», неважно, в бумажном ли, в электронном ли виде (или в том и в другом, как наихудший вариант), – это атрибут автократии, опора бюрократии (увертка ее от контроля общества), средство ограничения свободы. Отсюда, из следственного источника, идет так называемый «обвинительный уклон» русской уголовной юстиции, по поводу которого столько «стульев сломано» отечественными записными ораторами.

Уголовное дело – это внешнее проявление следственной информационно-коммуникативной модели, модели «власти-знания» (концепции «объективной истины», извините за выражение), которая заложена в виде «программы», «интеллектуальной начинки» в юридический механизм противодействия преступности. В широком смысле это одна из подсистем общей системы государственного управления – оказания государством услуг населению (защита от криминальной угрозы).

Но понятно, что «уголовное дело» – только внешнее выражение доказательственного права следователя – права на уголовно-процессуальное доказывание. Основа основ всего процессуального мира – в понятиях «доказательство», «доказывание». Моя позиция по их поводу слишком известна, чтобы повторяться здесь. Тех, кто еще не знает (непрофессионалов), отсылаю к «Доктрмодели» [2, с. 25].

Короче, надо отказаться от следственной трактовки их, перейти на состязательную, а именно: исходить из того, что это не следственные, а судебные доказательства, судебное, а не следственное доказывание. Модель надо менять, передавать власть установления фактов от следователя судье, переходить полностью на иную (неследственную) модель получения – передачи – оценки информации, замкнутую на судебном органе и судоговорении. Судью надо информировать не через письменное уголовное дело, а через устную речь, которая должна вестись в виде открытого диалога обвинителя и защиты.

Напомню, есть две модели публичной речедятельности: устная и письменная, которые лежат в подоснове «процессуального доказывания». Частноисковой процесс имел своей основой устную речь (диалог), следственный (инквизиционный) –

письменную. Письменная речь монологична, диалог адресанта с адресатом текста, ответная реплика адресата отложены во времени и тем создают временную задержку, достаточную, чтобы власть реализовала свои намерения в одностороннем порядке. Письменная речь, кроме того, закрыта (от непосвященных, первоначально — неграмотных), она скрывает процесс «формирования» следственного доказательства за протоколом. Это все уловки автократии (бюрократии), чтобы провести свои конъюнктурные интересы в закрытом, одностороннем режиме от общества, от других участников процесса.

Приведу пример. Следователь выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого, и человек считается привлеченным к уголовной ответственности (статьи 299, 300 УК РФ, ст. 154 УПК РФ). У нас ведь до сих пор это так (в стандартах правоприменения, в стереотипах мышления, статистической отчетности), несмотря на презумпцию невиновности, Конституцию и пр. «глупости». Уголовный закон применяется к человеку (статьи 25, 28, 28.1 УПК РФ) без предоставления ему права возражать перед независимой аудиторией (перед судом), он беззащитен перед следственной властью. Пока наступит суд и пока можно будет ответить на обвинение, бывает уже поздно.

Как показала практика, введение в следственную среду элементов состязательности вроде «судебного контроля», «адвокатского расследования» и пр. не изменило ситуации. В результате господства следственного правового стандарта, проявившегося в явлении «следственного изоморфизма», предварительное следствие превратило суд в свое подобие [3, с. 148]. Это, разумеется, не совсем то, что виделось авторам последних двух «великих» судебных реформ (1991, 2000 годов), и совсем не то, что нужно России в XXI веке. Если она хочет сохраниться как преуспевающая нация в глобальном мировом сообществе.

Следственная уголовно-процессуальная реальность входит в противоречие с новой реальностью, которая, как «трещат» в СМИ, уже «за углом». Учение о следственных действиях, придуманное еще в условиях прежнего, «доэлектронно-цифрового» мира нельзя считать полным сейчас. Так же как нельзя считать таковым и уголовно-процессуальное вооружение правоохранительной системы против киберпреступности.

Преступность, с которой предстоит бороться, — это киберпреступность. Правовой механизм противодействия этой преступности должен быть построен на обновленной версии информационных технологий — «цифровых технологиях».

В «Доктрмодели» мы дали ответы на вопросы о том, как должно происходить расследование, доказывание по уголовным делам об «информационных преступлениях». Коротко +обозначу те принципиальные положения, которые заложены в этой концепции:

— децентрализация (обвинения и расследования);

— деформализация — доказывания, досудебного расследования;

— самозащита субъектом (через суд) своих прав.

Децентрализация касается организации обвинения и уголовного расследования. Сейчас это монополия государства, и есть тенденция укрепления вертикали следственной (основной движитель процесса — Следственный комитет России во главе со своим харизматичным лидером А.И. Бастрыкиным). Эта тенденция идет вопреки современному тренду. Мир (цифровой) развивается в сторону децентрализации.

Понятно, что перво-наперво надо ликвидировать следственный комитет как символ следственной власти. Но не это главное. Надо ликвидировать сам институт следственной власти.

Следователь является элементом правоохранительной системы авторитарного (полицейского) государства и ключевым субъектом проводимой им в режиме ручного управления уголовной политики.

Правовое государство, обеспечивающее свободное развитие рыночной экономики, не должно иметь следственной власти, но только судебную, исполнительную (обвинительную) и законодательную власти.

Но и это не все. Помимо официальных органов уголовного расследования, я предлагаю ввести институт «неофициального расследования», которое может проводиться потерпевшим, но равно любым другим физическим или юридическим лицом.

В «Доктрмодели» мы предложили проект «следственного действия», правом на его проведение должны обладать обе стороны, любой субъект [2, с. 23].

Предлагаю новое следственное действие — «получение цифровой информации, представленной в электронном виде» (аналог недавно появившегося в ФЗ «Об ОРД» оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации»). Это может быть как тайное, так и гласное «следственное действие». Проведено оно может быть как офицером полиции, так и сотрудником службы безопасности (информационной) организации (коммерческой, общественной), но также адвокатом, вообще любым лицом или сообществом.

Под это понятие, на мой взгляд, можно подвести такие действия и мероприятия, как «снятие информации с технических каналов связи», «копирование», «изъятие», «выемку», «осмотр», «контроль и запись телефонных и иных переговоров» — в общем, любые действия по получению цифровой информации, имеющей отношение к совершенному преступлению.

Поскольку «информационные преступления» оставляют информационные следы, то следовать по ним (расследовать их) может специалист по информационным технологиям. Любой человек может расследовать преступление и провести следственное действие «получение цифровой информации». Понятно, что, когда речь идет о вторжении в права, ох-

руемые законом, должна быть санкция судебного органа (следственного судьи).

Вместо следователя, сыщика в традиционном смысле субъектом расследования (указанного следственного действия) может быть программист, специалист по безопасности (профессиональный «антихакер» или хакер, по принуждению или добровольно ставший на сторону правительства или потерпевшего, ведущего свое расследование). Субъектом проведения этого следственного действия может быть не только человек, но и робот (машина).

Джек Ма заявил: «Люди говорят о цифровой эпохе, об информационных технологиях. Я бы сказал, что мир переходит от IT к цифровым технологиям. Сейчас как раз пришло время данных, и цифровая эпоха – это обновленная версия информационных технологий, а данные совершенно отличаются от IT» [4].

«Большие», «длинные данные», характеризующие профиль лица (физического или юридического) – по его запросам, транзакциям, действиям в сети Интернет, – могут быть получены, проанализированы роботом, техническим устройством, и таким образом может быть установлен преступник: субъективная и объективная сторона совершенного им «информационного преступления» или продолжаемой преступной деятельности.

В «Доктрмодели» мы предусмотрели статью 11. 13 «Машинное сопоставление и передача персональных данных», согласно которой «длинные данные» о лице, которые предположительно указывают на него как преступника, могут быть машинным способом получены и проанализированы, сопоставлены с другими данными и использованы на предмет выдвижения и формулирования обвинения. При этом машинный отбор, сопоставление «длинных данных» в виде цифровой информации допускается для установления места пребывания лица, которое разыскивается в целях привлечения к уголовному преследованию за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. При проведении данного следственного действия должны соблюдаться требования федерального законодательства об использовании персональных данных. Результаты машинного сопоставления оцениваются судьей по внутреннему убеждению в совокупности с другими доказательствами по делу.

Мы говорим в указанных случаях не об «эксперте», не о «техническом средстве», а именно о «субъекте доказывания» – со стороны обвинения, правительства в первую очередь, но не только.

Итак, любой, кто сможет с помощью технических средств получить информацию о преступнике, может считаться «расследователем» – субъектом получения данных, которые могут (после их представления представителем стороны – разъяснения их смысла аудитории) стать в суде «доказательствами-фактами».

Что значит «деформализация» доказывания, до-судебного расследования? В первую очередь это от-

каз от следственного-процессуального стандарта доказательства) и переход к «техническому стандарту» аутентичности цифровой информации, представляемой в качестве доказательства стороной в деле.

Надо вообще отказаться от формирования уголовно-процессуальных доказательств по стандарту (модели) «протокола следственного действия», монополию на который имеет исключительно следователь. Эта монополия государства должна быть разрушена.

Средствами фиксации стороной фактических данных (цифровой информации) могут быть как «протоколы», так и любые технические средства; информация об обстоятельствах дела может храниться и передаваться любыми носителями (электронными носителями), равно как и через любые каналы связи.

Мы стоим на той позиции, что полезность информации важнее вопроса о способе ее получения. Как сказал наш президент по поводу одной известной ситуации с правомерностью получения цифровой информации: «Разве это важно, кто взломал эти какие-то данные из предвыборного штаба госпожи Клинтон? Разве это важно? Важно, что является содержанием того, что было предъявлено обществу. Вокруг этого должна вестись дискуссия на самом деле. Не нужно уводить внимание обществу от сути проблемы, подменяя какими-то второстепенными вопросами» [5].

Каждая из сторон в суде обязана по требованию другой стороны или суда открыть способ получения, источник происхождения сведений, представляемых ею в качестве доказательств, и доказать отсутствие неправомерного вмешательства в содержание этих сведений во время владения информацией (источником информации), а также отсутствие неправомерного вмешательства в права и свободы человека и гражданина. При необходимости должна быть предъявлена не вызывающая разумных сомнений цепь законных владений цифровой (электронной) информацией. «Цепь законных владений» – порядок процессуального документирования цифровой (электронной) информации, имеющей доказательственное значение, который обеспечивает сохранность электронной информации при передаче ее на всех этапах доказывания от момента получения (снятия, изъятия) до передачи ее носителя от одного лица другому вплоть до судебного органа, рассматривающего дело по существу или по отдельному спорному вопросу.

Следственный стандарт допустимости судебных доказательств должен быть заменен на судебный стандарт оценки судей по своему внутреннему убеждению полезности цифровой информации, аутентичность которой подтверждена техническими средствами, для установления юридически значимых обстоятельств по рассматриваемому уголовному делу. Чем опаснее преступление, тем ниже барьер допустимости ограничения прав личности.

Итак, цифровая информация, представленная в электронном виде, может быть принята судом при

принятии процессуального решения, если аутентичность этой информации будет подтверждена в судебном заседании техническими и уголовно-процессуальными средствами. Приемлемость использования этой информации определяется судьей с учетом тяжести совершенного преступления, данных личности, интересов правосудия и защиты прав личности.

Необходимо подтвердить неизменность позиции по поводу формирования личных доказательств – только через судебный допрос. Считать личными доказательствами надо только показания, данные перед судебным органом с участием обеих сторон. Передача сообщений лица о фактах возможна только на прямой связи с судьей. Для безусловного проведения этого положения в практику правоприменения надо ввести статьи о перекрестном и прямом допросах в Кодекс. Перекрестный допрос – это основа состязательного судоговорения. В любого рода публичной деятельности диалог был, есть и будет основой для выработки и принятия решений. Исключения из этого должны быть исключительными.

По поводу самозащиты субъектом я бы сказал так: право на свободное обращение оружия и право гражданина на обвинение (институт народного обвинения) – это однопорядковые понятия. Человек вправе защищать себя любыми средствами: винтовкой или уголовным иском в суде, оперируя цифровой информацией (на свой выбор, в зависимости от ситуации).

Самозащита и децентрализация обвинения взаимосвязаны.

Мы давно писали о народном обвинении, основе демократии, как о некоем недостижимом идеале [6]. Время пришло. Предлагаем ввести институт народного (общественного обвинения) и уничтожить монополию государства на уголовный иск – обвинение. Уголовное обвинение вправе предъявить в суде любое лицо – человек или ассоциация людей.

Как сказано в статье 3.5. «Общественное (народное) субсидиарное уголовное обвинение» «Доктрмодели», суд вправе принять к производству уголовный иск «общественного обвинителя» – любого человека, в том числе жертвы преступления, или представителя юридического лица или ассоциации граждан, объединившихся для осуществления уголовного преследования, и наделить его правами стороны для содействия прокурору в поддержании обвинения и доведении до суда мнения об общественной опасности расследуемого преступления и преступника. Суд не вправе отказать в проверке фактических материалов, представленных общественным обвинителем и полученных им в том числе с использованием специальных технических средств негласного получения информации. При подтверждении в судебном заседании достоверности полученных таким способом сведений они признаются допустимыми доказательствами [2, с. 43, 44].

Претендовать на статус «народного обвинителя» может любое физическое или юридическое лицо,

которое непосредственно является потерпевшим от преступления или которому стало известно о совершении преступления, причинившего вред значительному числу лиц и поставившего под угрозу экономическую, информационную, национальную безопасность России, ее конституционно-правовой строй.

Выводы

Система существующих следственных действий непригодна для расследования «информационных (компьютерных) преступлений». Это надо осознать. Есть необходимость в одном универсальном «следственном действии» – получении информации, не важно, кем и с помощью каких именно технических операций оно совершается. Важен результат.

Внедрение информационных технологий в уголовный процесс – это не самоцель, а средство. Но не средство сохранения следственной уголовно-процессуальной системы, а средство перехода к состязательному типу процесса. Технологии не меняют сущности правосудия. Проекты «электронное правосудие», «электронное правотворчество» реальны только в той части, в какой они помогают людям, а не заменяют человека – судью, депутата законодательного собрания, обвинителя, то есть того человека, которые принимают решение о применении насилия в отношении другого человека.

Профессия следователя как юриста, чья профессиональная работа состоит в составлении процессуальных документов – протоколов следственных действий, – это мертвая профессия. Его заменит машина. Профессия опера – как поисковика в Интернете – тоже вполне технологична – он заменим пресловутым «роботом-полицейским». Функцию «всестороннего, полного, объективного» расследования можно доверить электронно-вычислительной машине.

А вот профессии обвинителя и судьи останутся навсегда, какие бы изменения ни происходили в сфере передачи, обработки информации. Оценивать по внутреннему убеждению ситуацию и принимать решение о привлечении к уголовной ответственности человека способен только человек. Раскрывает преступление машина, обвиняет и судит – человек. Защищает, кстати, тоже человек – защитник; это гуманная в подлинном смысле слова профессия – народ от правительства защищать.

Принцип самозащиты – в институте народного обвинения. Борьба с киберпреступностью – это не только деятельность компетентных государственных органов, но дело всего прогрессивного интернет-общества. Защита потерпевшего может происходить через государство, через самозащиту потерпевшим себя самого, в том числе с помощью неправительственных, коммерческих и некоммерческих организаций и других неравнодушных людей.

Библиографический список

1. Drulhe L. Blockchain, an architecture of control? [Электронный ресурс]. URL: <https://vimeo.com/185779889>.

2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / ред. и авт. предисл. А.С. Александров. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.

3. Титаев К., Шклярук М. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016. 192 с.

4. Ма Д. Выступление на Заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» под названием «Мир будущего: через столкновение к гармонии» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882>.

5. Интервью В. Путина агентству Bloomberg. URL: <https://www.unian.net/world/1499714-razve-eto-vajno-kto-vzlomal-putin-oprovergaet-prichastnost-rossii-k-kiberatakam-v-ssha.html>

6. Гушев В. Е., Александров А. С. Народное обвинение в уголовном суде: уч. пособие. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1998. 160 с.

References

1. Drulhe L. Blockchain, an architecture of control? [Electronic resource]. Retrieved from: <https://vimeo.com/185779889> [in English].

2. Doktrinal'naia model' ugovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i kommentarii k nei. Red. i avt. predisl. A.S. Aleksandrov [Doctrinal model of the criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and commentary to it. Editor and author of the preface A.S. Alexandrov]. M.: Iurlitinform, 2015, 304 p. [in Russian].

3. Titaev K., Shklyaruk M. Rossiiskii sledovatel': prizvanie, professiia, povsednevnost' [Russian investigator: vocation, profession, everyday life]. M., 2016, 192 p. [in Russian].

4. Ma D. Vystuplenie na Zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» pod nazvaniem «Mir budushchego: cherez stolknovenie k garmonii» [Speech at the meeting of the International Discussion Club «Valdai» under the title «The world of the future: through the clash to harmony»] [Electronic resource]. Retrieved from: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882> [in Russian].

5. Interv'iu V. Putina agentstvu Bloomberg [Interview of Vladimir Putin to Bloomberg agency]. Retrieved from: <https://www.unian.net/world/1499714-razve-eto-vajno-kto-vzlomal-putin-oprovergaet-prichastnost-rossii-k-kiberatakam-v-ssha.html> [in Russian].

6. Gushchev V.E., Aleksandrov A.S. Narodnoe obvinenie v ugovnom sude: Uch. posobie [People's accusation in the criminal court: textbook]. N. Novgorod: NIUI MVD RF, 1998, 160 p. [in Russian].

*A.S. Aleksandrov**

DOCTRINE OF INVESTIGATIVE ACTIONS ON THE THRESHOLD OF THE «DIGITAL WORLD»

Investigative model of investigation of crimes and the system of investigative actions morally and materially outdated in modern conditions. Cybercrime, as an element of the digital world, dictates the transition to a new legal model of criminal procedural activity. The existing system of investigative actions can be replaced with one universal investigative action – obtaining digital information. The subject of carrying out this action can be both a competent state body and any person, but also a robot. In general, the function of preliminary investigation can be technologized and deformed, that is, it lacks a procedural, and even more so – investigative, shell. Only at the stage of submission to the court, digital information received by any entity, by any means, should become an element of the legal system – accusations or protection and thereby obtain legal status. The Prosecutor or the defender has the right to choose the form and method of presenting information received in order to exclude reasonable doubts about its authenticity and usefulness.

Key words: digital information, investigative actions, evidence, proof.

* *Aleksandrov Alexander Sergeevich* (anrc@rambler.ru), Department of the Criminal Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, Ankundinovskoe highway, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.